

КАЗАЦКАЯ БЫЛЬ

И. ГЛЕМБА
А. ПРОХОРЕНКО

ФЯРИФЯ

Казацкая быль

Андрей Прохоренко

Сарифия

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Прохоренко А.

Сарифия / А. Прохоренко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Казацкая быль)

ISBN 978-1-38-787331-9

Украина. Хортица. Первая половина семнадцатого века. Казацкие батьки из числа казаков-характерников, прожив длинную и насыщенную событиями жизнь, рассказывают друг другу и казакам, собравшимся их послушать, интересные и поучительные истории из своей жизни и жизни казаков — мастеров гопака и только о них. В сборник рассказов под названием «Сарифия» вошли рассказы и повесть «Казацкая притча», написанные для потомков казацким батькой, казаком-характерником Василем Галайдой о жизни казаков, их мировоззрении, о взаимоотношениях в казацкой среде и приключениях, в которые они частенько попадали.

ISBN 978-1-38-787331-9

© Прохоренко А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
Сарифия	6
Агнак	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

И. П. Глемба, А. Г. Прохоренко

Сарифия

Предисловие

Основываясь на записках Василя Галайды, казака-характерника, проживавшего в конце шестнадцатого и в первой половине семнадцатого века, авторы подготовили для себя и читателей ряд рассказов и повестей под общим названием «Казацкая быль» о казаках, казацком люде, о тогдашней Украине, о некоторых событиях, участником которых был Василь. Речь пойдет о неординарных казаках и их жизненном пути и не только о характерниках. На наш, авторов, взгляд в нравах и обычаях казаков и казацкого люда проявляются лучшие черты народа, проживавшего в то время на огромных территориях от Карпатских гор до Дона и Волги.

Подчеркнем также, что рассказы и повести Василя Галайды, по его утверждению, основаны на реальных событиях того времени и отображают его видение мира и происходящее в нем, которому Василь был свидетелем или имел к нему прямое отношение. Видение положения дел, мировоззрение и мироощущение человека, живущего в своем времени, обладающего знанием, возможно, не слишком согласуется с видением людей, проживающих в нашем времени. У казака-характерника свои понятия и представления о жизни и о мире, учитывая то, сколько он прошел и в каких переделках побывал. Казацкую науку, а рос Василь в семье потомственного казака-характерника Славка Галайды, сын впитал с детства, тем более, имея таких учителей, как Вернидуб, Ярий и другие казацкие батьки.

В книгу «Сарифия» из серии «Казацкая быль» включены рассказы «Сарифия», «Агнак», «Афанасий», «Как казаки в корчму ходили» и повесть «Казацкая притча».

Ведь, как говорят умудренные опытом казаки: жизнь надо наполнить смыслом и содержанием, тогда твои годы не проходят в одиночестве, и ты их встречаешь с друзьями, с мудростью, со спокойствием и с уверенностью в себе, с учениками, которые видят в тебе учителя. Однако за этим от них ускользает человек, который, несмотря на то, что многое прошел и больше их знает, по причине складывающихся условий не может их научить тому, что знает.

Предоставляем слово Василю Галайде.

Сарифия

Под конец жизни, когда ветер шевелит твои уже седые волосы, в то время, когда ты, подобно стражу степи, взобравшись на холм, наблюдаешь оттуда за окружающей местностью, тебе частенько хочется сказать что-то особенное себе, а еще больше потомкам. Каждый год добавляет в кувшин твоей жизни новые энергии. Их сила, несмотря на годы, пока еще позволяет тебе твердой рукой держать посох. Он с некоторого времени мой неизменный помощник. Саблю я, Василь Галайда, давно уже повесил на стенку, но в жизни характерника это ничего не значит. Врагов, а их немало, мой возраст не смущает, а только лишь побуждает к тому, чтобы быстрее сжить меня со свету. Пока что я им такой радости не доставил, но ошибки совершает каждый. Любая из них может стать последней для меня.

К завершению жизненного срока, а сейчас мне уже девяносто лет, сознание еще отчетливее, чем в юности и в зрелые годы, видит жизненный путь. Картины прошлого встают во всей своей полноте и подробностях. Я вижу через времена и пространство то, что скрыто от взора остальных людей. Такие мои способности делают меня одновременно и сильным, и уязвимым. Ученикам я не могу передать знаний и некоторых умений по причине того, что этот груз у них не будет сил нести. Быстрая смерть и короткая жизнь станут в таком случае их уделом. Если нет базы, которая нарабатывается постепенно год за годом с четырех лет, то нечего говорить о проявлении чего-то необычного, в том числе и силовых способностей.

Точно также, если нет психической устойчивости, то лучше быть незрячим. Меньше покалечишься и чуть дольше протянешь, хотя, с другой стороны, будешь жить в неведении, точнее не жить, а медленно умирать, теряя себя прежнего. Почему я так говорю? Всего лишь оттого, что мир наш в целом, чем дальше течет река времени, тем все больше погружается в темные энергии. Жизнь и жизненные энергии забираются, замещаясь перегаром и окалиной. Мы уже не так свободны, как дети степей – скифские воины, силуэты которых я вижу, всматриваясь вдаль и в прошлое с высоты холма. Здесь, чуть позади меня, стоит скифская мадонна. Она – как проводник, как страж степи и хранилище информации одновременно, еще живой свидетель прошлых лет.

Все, что мадонна увидела с момента ее появления на кургане, записано на ней. Можно, если знать как, просмотреть в любом времени любое событие, содержащееся в ее информационном поле. Энергетическое существо, воплощенное в камне, зовут Сарифия. Ее тонкое тело прибыло на Землю давно, еще, когда здесь проживали арии (свыше 7500 лет от нашего времени). Потом Сарифия получила воплощение в камне. Она – представитель цивилизации, которая долгое время жила на одной из планет в созвездии Большой Медведицы. Там с некоторого времени условия ухудшились настолько, что энергетические существа приняли решение искать себе лучшие условия для жизни. На Земле тогда еще жили ураваны – арийские видящие и знающие. Они и приняли гостей, проведя их на Землю.

Здесь гостям помогли. Долгое время они жили в варшаках (дом на тонком плане в верхних слоях Земли), после чего некоторые из пришельцев получили воплощения: кто в физических телах, а кто, как Сарифия, с некоторого времени в камне. Но лучше так, чем разлагаться в варшаке. Там ведь нет энергий, чтобы продлить на должном уровне существование тонких тел и оболочек даже в том виде, в котором гости прибыли на Землю. Когда же тонкие тела подключаются к плоти, то нисходящие процессы замедляются. Можно тысячелетиями существовать, замедлить агонию, что дает определенные возможности. Впрочем, таков был выбор гостей, представляющих цивилизацию уолитов.

Сарифия с некоторого времени мой друг. Во всяком случае, она позволяет мне пользоваться информацией, записанной на ней, когда это мне нужно. Правда, в работе с ней нужно быть внимательным. С нее, а Сарифия побывала во многих переделках, могут пройти влияния

на тебя. Так что приходится принимать меры безопасности. Дружба дружбой, а у каждого, как говорят казаки, своя люлька и сабля, свой порох в пороховнице.

Сарифия уже не та, что раньше. Ее способности каменеют. В соответствии с ее летоисчислением она уже почти полторы тысячи лет стоит здесь, все наблюдает за степью. Знает также, что с ней будет, что разобьют ее каменное тело, а новое убежище не предоставят. Впрочем, это ее не волнует. Сарифия – страж здешних мест и проводник, и функции свои выполняет исправно.

Мое знакомство с Сарифией началось в возрасте двадцати семи лет. Именно в то время сюда, на скифскую могилу, привел меня Вернидуб. Батьке было тогда, как мне сейчас, уже под девяносто, но посох в руке он еще держал крепко. Сам ходил, даже на коне скакал, не галопом, конечно, а шагом или мелкой рысью. Задерига, мой отец, а он был одним из лучших учеников батьки, помогал, как мог ему, но Вернидуб с каким-то, как говорил отец, упрямством, хотел и делал все сам. Травы собирал и зелье готовил, никого не подпускал к самым ответственным делам, несмотря на то, что помощников имел и учеников. Упрямый казацкий характер имел закаленный жизнью и не в одной переделке. Меня считал, а не Задеригу, своим продолжением. Я же ничем подобным похвастаться не могу. Последний я характерник. Куйбиде, Залихваке, Вертиносу я многое не передал, несмотря на их желание.

Вернидуб частенько рассказывал мне о своей помощнице, о некоей женщине, которая ему всю правду говорит. Я считал по наивности, что где-то в домике живет женщина-ведунья, которая травы собирает, лечением занимается. Батька ведь хитер был. Он сразу всей правды не говорил. Только лишь намекнет, да усмехнется в усы, а глаза при этом веселые и озорные такие, мол, знаю, что говорю. Я все ему – познакомь меня с ней, да познакомь, может и мне сгодиться, а Вернидуб постоянно говорил: время еще не пришло.

И вот как-то раз, когда я уже и забыл о загадочной женщине, батька в один из дней начала лета, хитро мне подмигнув, когда я зашел к нему в хижину, сказал, что мы поедем на смотрины. Только ты, говорит, не удивляйся и спокойно все воспринимай, а то, не ровен час, не захотят с тобой общаться. Я себе думаю, почему же со мной и не захотят общаться? В те времена не был я еще женат. На женщин молодых призывно смотрел, хоть батька, видя, как я грудь вперед при виде молодежи выставляю, только усмехался в усы. Знал, конечно, казак, где моя суженная, но, пока я ее сам не нашел, тайны не выдавал.

Собрались мы на смотрины ехать на следующий день, но батька в тот день отправился в путь сам, а нам с Задеригой и его помощником – Сулием, наказал за ним следовать только на следующее утро. Выйдя с утра пораньше, мы через часа два после восхода солнца встретили батьку в небольшом лесочке возле упавшего дерева. Вдали виднелся курган. До него, казалось, рукой было подать. Сулий остался в лесочке с конями, а мы втроем пошли по направлению к кургану. Идем-идем, а нет никого вокруг.

«А где же тут хижина хоть какая-то? Где же молодница живет?» – возникли у меня вопросы. Хотел спросить, но взглянул на Задеригу, потом на батьку и понял, что не скажут они мне ничего. Так и шли молча до места то по балке, то по лесочкам.

Как только вышли на открытое место, Вернидуб на холм показывает и говорит:

– Вон стоит красавица.

Я посмотрел и оторопел вначале, а потом рассмеялся негромко. Батька на меня взглянул и произнес:

– А ты думал, что я тебя к суженой приведу? Так это твоя забота – стать таким, чтобы она тебя увидела и распознала, что муж ее ты.

– Мне она понравиться вначале должна.

– Ты, прежде всего, мужчиной внутри должен стать, а не только грудь вперед выставлять, да подбочиваться и ус крутить, видя молодицу. Или ты думаешь, что саблю получил, чему-то научился, в походы ходил и на этом все, за тебя любая пойдет?

– А что мало?

– Немало и не много, – отозвался батька. – Что ты, что отец, – покосился Вернидуб на Задеригу, – себя слушать не хотите, но почему-то считаете, что у вас в жизни все должно сложиться благополучно.

– Так ты ж меня женил, – отозвался Задерига. – И неплохо вышло. Четверо у меня детей. На жену гляжу, и сердце радуется...

– Ты хоть себя не обманывай. Сын-то ладно, но у тебя в голове тямы должно быть больше. Что, не видишь какие сейчас времена?..

– Да, тревожное время, – слегка поморщился Задерига и почесал затылок, как бы стимулируя этим работу такого важного органа, как голова.

– Сарифия нас приветствует, говорит, что рада нас видеть, – перевел разговор на другую тему Вернидуб. – К себе нас приглашает в гости. Так что пойдём на холм.

– Ты не устал?

– Что это ты ко мне так участлив? – искоса поглядывая на Задеригу, спросил батька. – Мой час еще не пробил. Хожу пока что сам. Скажу, когда надо будет отдохнуть.

Недалеко оно недалеко, да упарился даже я, пока добрались до холма, тем более что не спешили. Возле холма немного постояли, батька о чем-то мысленно с Сарифией поговорил и сообщил:

– Сарифия сказала, что всех нас знает, а тебя – повернул ко мне Вернидуб голову, – давно заприметила.

– Так я ж в здешних местах не так много и бываю.

– А это значения не имеет. Страж есть страж. На то он здесь и стоит.

– И кто же его поставил сюда?

– Скиф Агнак. Он с Сарифией договорился, что она будет помогать ему, соплеменникам и друзьям его друзей, а в будущем тем, в ком увидит золотой колос.

– И что, во всех нас есть золотой колос? – не унимался я.

– Золотое зерно в колосе, – поправил меня Вернидуб.

– И что мы будем делать, когда поднимемся?

Вернидуб в это время переглянулся с Задеригой. Оба усмехнулись.

– Любить Сарифию не обязательно, но правильно относиться к ней – необходимо, – усмехнулся Задерига, глядя на меня.

– Догадался уже. Что вы меня все разыгрываете?

– Ты внимание выше пояса подними, а то оно у тебя частенько между ног болтается. Сила скоро тебе пригодится, – отметил Вернидуб, поднимая голову вверх и шурясь от солнца, выглянувшего из-за тучки. – Долго не пробудем здесь. Дело надо сделать так, чтобы никто нас не увидел, а то опять небылиц наплетут...

Батька намекал на молву, предписывающую ему связь с нечистой силой и прочие чудеса. Причем каждый, кто что-то говорил о Вернидубе, привирал свое и в результате случай обростал такими подробностями, что батька выступал, чуть ли не могущественным колдуном, которого слушались духи, нечистая сила и черти. Естественно такой огласки Вернидуб не хотел. Лекарь он был, несмотря на годы, один из лучших на Запорожье и далеко за его пределами. Дело свое знал, да не всякого лечил...

– Вроде никого вокруг, – оглядевшись, предположил Задерига.

– Тогда поднимайтесь за мной. Сарифия нас заждалась.

Батька резво взобрался на холм, осмотрел с высоты, шурясь, не видно ли кого, но степь была пустынная. Хорошо было на вершине холма, привольно и как-то необычно, как будто ты ступил на территорию, чем-то отличную от той, что была у подножия холма.

Обернувшись к каменной мадонне, Вернидуб внимательно на нее посмотрел, и уведомил:

– Страж приветствует нас, говорит, чтобы чувствовали себя, как дома, но не забывали, что в гостях. Здесь его место. Лучше, если не готов, не приближаться близко.

– Это насколько не приближаться? – вырвалось у меня.

– На пять-шесть шагов, – охотно пояснил Вернидуб.

– А то, что будет? – не умолкал я.

– Хватить сотрясать воздух. Делом займемся. Я ведь не зря тебя сюда привел. Кое-что показать нужно. Да и Сарифия сегодня благосклонна к нам. Обычно она от камня, – Вернидуб жестом указал на статую, которая сложила руки чуть ниже пояса, – не отходит, а сегодня что-то погулять решила...

– Ничего не вижу, – признался я. – А ты? – повернулся я к отцу.

Задерига лишь по усам рукой провел, но ничего не сказал.

– Не хочешь ты видеть, не настроен, поэтому и не воспринимаешь то, что возле тебя находится, – сделал вывод Вернидуб. – Ты расслабься, но будь внимательным, позволь себе видеть и слышать так, чтобы воспринять потаенное. Главное, ничему не удивляйся. Что увидишь, воспринимай спокойно. А то ты неуравновешен и чрезмерно недоверчив.

Я постарался сделать так, как сказал батька.

– Можешь даже глаза закрыть, но внимание не ослабляй, – раздался издалека, хотя батька был рядом, его голос.

Когда ты внутри умолкаешь, снаружи начинает говорить степь. Она тысячами запахов и звуков охватывает тебя. Ты начинаешь слышать шепот трав и говор рожиц, течение речушек и полет птиц. Это сложно передать словами. Надо, как говорил батька, учиться слышать и слушать, смотреть и видеть. Чтобы овладеть этим искусством сполна, нужны годы. Просто так само по себе в тебе ничего не возникает и не появляется. Зато мир, открывающийся тебе по мере того, как ты делаешь определенные шаги, навсегда остается с тобой. С одной стороны, этот мир поражает своей красотой и разнообразием, обилием красок, а с другой, чем больше ты видишь и слышишь, – ты начинаешь понимать все отчетливее, куда движется мир и ты с ним...

Из необычно тихого состояния слушания меня вывел голос Вернидуба:

– Не поддавайся очарованию степи. Зри, а не тай от того, что видишь и чувствуешь. Не состояние должно управлять тобой, а ты состоянием. В любой момент вошел и вышел. Не будешь выполнять это правило – быстро уйдешь из жизни, а тебе надо жить долго.

– Это почему? – спросил я, открывая глаза.

– Смысл жизни познается в жизни, – усмехаясь, молвил Задерига.

Одна его рука лежала на рукояти сабли, а другой он поддерживал травинку, которую покусывал. При этом отец внимательно всматривался в степь, отмечая в ней малейшие изменения, готовый в любую минуту отреагировать и принять меры.

– Увидишь то, что раньше не замечал, поднимешься над жизнью, многое поймешь, – пояснил Вернидуб.

Я тогда понял, что главное он не сказал.

– Сарифия с тобой поговорить хочет. Нравишься ты ей, – внезапно отметил Вернидуб. – Только не говори с ней прямо, а через энергетический шар. Я его сейчас для тебя создам. Понял?

– Попробую.

Я прикрыл глаза и вдруг слегка оторопел: передо мной, чуть слева от каменной статуи, стояла необычайной красоты женщина. Ее одежды чем-то напоминали скифские, но все-таки убранство Сарифии было отлично от них. От наряда Сарифии веяло чем-то неземным и загадочным, полным притягательности и одновременно едва заметной усталости и какой-то потаенной грусти. Тем не менее, присутствие Сарифии очаровывало. Лицо женщины, правильное с большими, широко раскрытыми глазами, диадема с кристаллом по центру лба, богатое убранство головного убора, – все говорило, что передо мной не обычная женщина.

– Сарифия показывает тебе себя, – раздался, как будто издалека, еле слышный голос Вернидуба. – Я буду с тобой говорить мысленно, а ты слушай. Меня от нее отличить ты должен.

– А что можно спрашивать у Сарифии?

– Подумай. Я тебя ни в чем не ограничиваю.

Внезапно во мне возникла мысль:

«Я Сарифия, прибывшая на Землю с планеты Яртия».

Сразу после этого я увидел внутренним взором солнце, вокруг которого вращались круглые шары. Луч, исходящий из руки женщины, указал на одну из них.

«Моя Родина погибла давно. Мы приняли решение перейти на Землю. Части улитов удалось уйти, но большая часть погибла. Здесь мы помогаем вам, но все меньше тех, кто видит и слышит нас. Мы умираем, как и здешний мир, но делаем это тихо и незаметно сами для себя».

«А почему ты решила выбрать камень? Ведь можно было воплощаться в телах людей».

«Люди? Людей все меньше. Их место, когда ты научишься видеть истинную суть, занимают кто угодно в людском подобии. К тому же камень прочнее. Пройдут столетия, даже тысячелетия, прежде чем он рассыплется, если, конечно, его не разобьют. К тому же при частых воплощениях способности рано или поздно будут забраны, а здесь я пока что их не потеряла. Тем более что мне помогают...».

«Батяка помогает?» – уточнил я, но Сарифия оставила мой вопрос без ответа.

«А сколько лет ты уже здесь стоишь?»

«Скифов и сарматов видела, половцев и печенегов тоже, теперь на вас гляжу».

«А татар видела?»

«И не один раз. На мне все записано. Могу показать, когда это было в последний раз».

«А что хочешь за информацию?»

«Твое участие. На меня наезжают часто. Есть черные уйлы (каменные статуи, в которых воплощены темные энергии), которые противостоят мне и хотят меня уничтожить».

«А что я могу сделать?»

«Я научу тебя», – услышал я мысль Вернидуба.

«И ты сама по себе?» – продолжал я расспросы.

«Как и ты. А кто еще тебе нужен?»

«Семья и жена».

«А ты готов их защитить и сделать так, чтобы твои дети пошли по стопам отца?»

«Я казацкого рода. Мои дети будут казаками, как и я».

«Это ты так думаешь. На самом деле это не совсем так...».

«Что ты имеешь в виду?» – спросил я, но Сарифия мне ничего не ответила.

– Хватит на первый раз, – раздался тихий голос батяки.

Я открыл глаза. Вернидуб сидел рядом. Его волосы слегка шевелил ветер. Чем-то батяка был похож на волхва. Длинные волосы, спадающие на плечи, повязка на лбу, перехватывающая их, усы, придавали Вернидубу внешний вид древнего русича, только безбородого (Вернидуб бороды не носил), каким-то самым чудным образом еще сохранившегося в здешних краях.

Степь все также была тиха. Вдали виднелись силуэты диких быков и других животных. Слабый ветерок, играя высокой травой, как будто бы забывал, что он делал и утихал, а травы, которые были особенно густы возле холма, что-то тихо шептали.

– Видел Сарифию? – спросил Вернидуб.

– Да, – ответил я. – Только одета чудно как-то. Я даже у скифов таких одежд не видел.

– Ты много чего не видел, – отозвался Вернидуб. – Сарифия после этого будет помогать тебе. Тебе разрешен доступ в банк ее данных. Только не злоупотребляй такой возможностью, а то закроет. Через банк данных можешь получить информацию о любом объекте, который находился в поле ее видения. Можешь, конечно, и сам посмотреть, но случаи бывают разные...

Внезапно батяка замер.

– Пора уходить, – негромко заметил Задерига. – Едет кто-то. Вскоре здесь будут, но уйти, если мы сейчас спустимся с холма, мы успеем.

– Да, пора уходить, – сразу же согласился с отцом Вернидуб.

Он быстро встал, слегка размял ноги, взял посох, сумку, накидку, на которой сидел, и сразу же начал спускаться с холма.

«Жду вас, приходите», – прозвучало у меня в голове, когда спускался.

«Это Сарифия нас приглашает», – сразу же мысленно пояснил Вернидуб.

Через несколько минут нас уже не было на месте. Только Сарифия – страж степи, все также с высоты холма взирала на степь.

Шли столетия, сменялись народы, населяющие здешние земли, прокатывались волны нашествий, менялось лицо земли, времена года, но неизменно стояла, стоит и будет продолжать взирать с высоты Сарифия.

Только лишь в ваше время, потомки, она покинет свое место. Алчность, жадность, желание поживиться за чужой счет, разграбив могилы, чей покой охраняла каменная баба, в конечном итоге приведут к тому, что каменное изваяние будет разбито, а тонкая оболочка рассыплется. Некому будет позаботиться о Сарифии. К тому времени наступят суровые времена. Не останется тех, кто может ей помочь. Впрочем, я никого не виню. Будущее, чьи картины я все чаще вижу во всей своей отчетливой неприглядности, говорит само за себя, но все-таки в нем еще сохраняется лучик солнца и надежды, лучик воли, обещающий со временем утвердить с новой силой такое явление, как жизнь.

Агнак

Молодость – пора, быстро проходящая. Как правило, пока ты молод и чувствуешь избыток сил, которые надо куда-то деть, действия твои, скажем честно, мало разумны. Поэтому бывалые казаки, глядя на подбоченившихся молодых хлопцев, прямо сидящих на конях и выставляющих грудь вперед, только лишь посмеиваются в усы. Я до той поры, пока в волосах все чаще не начала проскакивать седина, не слишком задумывался о причинах усмешек казачьих батек. Их становилось на Сечи все меньше. Прежние казачьи обычаи уходили в небытие, как и их носители. Мир незаметно становился другим. Даже песнь степей, которую я слышал с детских лет, под завершение моей жизни звучит уже по-другому. В ней меньше жизни и раздолья. Война, идущая с все большим ожесточением, подрывает силы народа. Лучшие сыны погибают, а те, кто выживают, по большей мере не хотят быть верными делу отцов и дедов.

И дело тут не во врагах, не в турках, не в татарах и не в поляках, а в нас самих, в том, что происходит внутри каждого из нас. Казаки не проиграли бы решающих битв, не будь предательства в наших рядах. Кто-кто, а я, Василь Галайда, это точно знаю. Только знание мое уже не может помочь тем, кто руководит казаками. После смерти Богдана равных ему вождей, несмотря на просчеты, которые он допустил, нет. Выговский еще больше, чем Богдан, запутался в себе и в той ситуации, которая сложилась. Его победа (речь идет о битве под Конотопом в 1659 году) не принесла ожидаемых результатов. Гетманы сменяются быстро. А вскоре их станет несколько и каждый из них будет все более не свободен, а это значит лишь одно: кровавое междоусобье и Руину. Хорошо, что не доживу до этих времен. Нет сил смотреть, как режут Нэньку (Украину) на куски, кромсают, как могут, стараясь оторвать кусок жирнее.

Пир затеяли черные вороны, а блюдо – Нэнька. Сейчас мне уже за девяносто, а на дворе 1662 год. Что-либо сделать, махая саблей, не представляется возможным. Да и с каждым годом, глядя на ситуацию, все четче уясняю для себя одно: только лишь саблей образовавшийся клубок противоречий не разрубить. Нужен муж, личность, которая сможет, дойдя до власти, править твердой рукой, а такой личности нет. Ее, если она появится, уже не допустят до весла управления. Каким-то чудом до власти добрался Богдан, но даже его ближайшим соратникам до него далеко. Не идеализирую Богдана. Совершил он много ошибок, но попробуй устоять, когда тебе в глаза улыбаются, а чуть отвернешься, желают, чтобы быстрее со свету исчез. Какой бы не был у тебя характер закаленный, а магическая работа против тебя, ведущаяся изо дня в день, подрывает силы, и ты начинаешь чудить. У каждого это по-своему проявляется, но результат один, если не защищаться: быстрый или не очень уход.

Излюбленная тактика наших врагов состоит в том, чтобы казаки между собой передрались и истожили себя в войнах. Такая тактика соответствующий результат дает и оправдывает надежды тех, кто ее реализует. Я всякий раз убеждаюсь в правоте слов батки. Вернидуб не раз и не два говорил: «Придет время, когда ты многое поймешь, даже будешь знать, что делать, но ничем помочь Нэньке не сможешь». Я вначале вообще внимания на эти его слова не обращал, а потом думал, что они ко мне отношения не имеют, затем хотел, чтобы Вернидуб ошибся, но вышло так, что батка оказался прав. Как в воду глядел характерник. Впрочем, тут и воды не надо было. Взглянешь, и все сразу понятным становится.

Невеселые, конечно, размышления, но время такое. Хотя, на самом деле еще и не такое смутное и трудное, как вскоре будет. Куйбиде, которой считает меня своим учеником, предстоит еще более трудные времена. Он не знает, что его ждет, и всем своим видом показывает: «Покажи мне все, что умеешь. Не подведу тебя».

Есть у Куйбиды талантливый ученик – Омеля, по прозвищу Хватко. Парень действительно хваткий. Все в руках спорится. Тело гибкое к нагрузкам привыкшее, а вот с головной проблемы. Тямы мало. Вначале делает, а потом думает, что же с этим делать. Смотрю на него

и себя вспоминаю. Я, когда чудил, меня хоть отец или батька могли подстраховать. Его же некому. Куйбида всем необходимым, чтобы на уровне подстраховать, не обладает. Впрочем, отдаю себе отчет в том, что во многом это не его вина.

А рассказать я хотел, глядя на учеников Куйбиды, случай, который произошел со мной в молодости, когда я только-только вернулся на Сечь, вырвавшись из окружения под Солоницей, где много казацкого люда полегло. Описал ту битву и свое участие в ней в записках. Мне тогда двадцать шесть было. После поражения для казаков настали тяжелые времена. Хотя, оглядываясь в прошлое, скажу, что тогда все же было лучше, чем сейчас.

Батька тогда, как только я отдохнул и в себя пришел, вызвал меня к себе. В то время он на Хортице проживал, хотя имел еще несколько мест, где вполне мог жить, даже зимовать. Да и какой же казак, если у него в голове что-то есть, а в карманах еще и что-то звенит, себе не приготовит убежище в преклонные годы, когда не очень быстр, хотя сознание работает, шустрее, чем у молодого? Нет таких. Казацкое братство братством, приютят тебя в курене или в казацких лагерях, если нужно, в беде не оставят, но каждый сам за себя думать должен. Поэтому Вернидуб с некоторого времени с двумя своими помощниками, Кульбабой и Медунцом, а также с их учениками, которые травниками и лекарями учились быть, в разных местах имел жилища, где хатку, а где и пещеру, про шалаши не говорю. Их несколько десятков было разбросанных по Запорожью и за его пределами в укромных местах.

В свои девяносто лет не выглядел Вернидуб стариком с трясущимися руками, которого жизнь согнула, да так, что он на свет белый посмотреть не может. В девяносто два года выглядел батька на лет шестьдесят. Сам ходил не по одному часу по степи и лесочкам, травы собирал, веслом управлялся, твердой рукой направляя лодку в бесконечном сплетении рек, заливов, озерца и речушек, которые начинались сразу же за порогами, начиная от Хортицы. Все заливы и речушки знал на Базавлуке (имеются в виду Конско-Базавлукские плавни), но не в этом дело. Казацкая наука, впитанная с детства, сделала батьку умным, крепким, а еще больше тямущим.

Зачем я Вернидубу понадобился, я не знал. Взглянув на меня, когда я прибыл на Хортицу, батька хитро прищурился, удержал усмешку вот-вот готовую появиться на лице и заметил: «Ты вовремя. Завтра отправляемся». Как я не расспрашивал его и помощников, они все отнекивались, усмехались в усы или говорили, что мне знать об этом еще время не пришло, укоряя в торопливости. Оставалось ждать. Хорошо только, что недолго. Я же по натуре любопытный был. Все меня интересовало. Мимо не проходил, чтобы не расспросить. Вернидуба мой нрав задевал. Он только головой водил, когда видел, как я в очередной раз проявляюсь, говорил, что я за свой упрямый характер, который надо менять, еще сполна получу все, что дадут...

Утром, после восхода солнца, пока не жарко было, мы на чайке (казацкая лодка) добрались до порогов, вышли на берег, где нас уже ждали давние друзья батьки. Путь наш лежал вверх по Славуте. Почему батька затеял такую поездку, понял я не сразу. На конях добрались мы до места, где снова в чайку пересели, а потом поплыли вверх по Днепру. Вышли мы на берег, не доходя до Чигирина. Путь неблизкий. Тут даже бывалые казаки устать могут, не говоря уже о Вернидубе. К тому же после поражения в урочище Солоница казакам путь вверх по Славуте был запрещен, но кто же запретов придерживается? Надо и все тут. А чего надо, я не знал, но батьке доверял. Он напрасно ничего не делает. Да и авторитет у характерника был такой, что слушались его остальные беспрекословно, хотя Вернидуб никому и ничего не приказывал, говорил только, что надо сделать. Сказанное батькой воспринимались казаками, как руководство к действию.

Вернидуб, а взял себе новое имя батька недавно, был известным казацким атаманом, знал Байду Вишневецкого и вместе с ним, руководя казаками, защищал еще замок на Малой Хортице, но потом отошел от дел, исчез и долгое время вообще не появлялся. Прежний казачий атаман умер, а вместо него появился характерник, который все знал, все видел и многое умел.

Мог сделать так, что казаки пьянели, выпивая воду вместо горилки. И это только малюсенькая часть того, что умел делать Водопьян, – так звали батьку ранее. Впрочем, имен у него было не два и не три. Вернидуб же – самое последнее имя и самое распространенное имя батьки, как и дед Верник, который, как шутили казаки между собой, неизвестно откуда появлялся и точно также исчезал, как будто его и не бывало. Сказывали, что батька с нечистой силой якшается, может духов вызывать, а взгляд его такой тяжелый, что мелкие камни, послушные его воле, отрываются от земли. Да чего только люди не наговорят, округляя глаза и оглядываясь по сторонам, чтобы их кто посторонний не услышал.

Был Вернидуб добрым и отзывчивым казаком, с годами жизнь не ожесточила его, несмотря на то, что многое в ней он прошел и повидал. Его доброта и отзывчивость, как я вижу сейчас, были стержнем личности человека, обладающего необычайным жизнелюбием и спокойной удачей, знанием жизни, которое уже в наши времена редко в ком из казаков с такой силой проявлялось. Поэтому-то батьке были открыты многие тайны, об одной из которых я и расскажу.

Всех перипетий, как мы добрались до места, нет смысла рассказывать. На месте нас уже ждали два казака. Один из них, лет пятидесяти, стоял вместе с молодым сыном. Завидев батьку, Никита Ярыч усмехнулся в усы. Как оказалось, он, как и мой отец, был одним из учеников Вернидуба. Два казака отошли в сторонку, чтобы переговорить без лишних ушей. После приветствий батька спросил:

– Путь мы неблизкий проделали. Ты не ошибся, все так и есть?

– Скиф на меня трижды выходил. Один раз я с ним поговорил мысленно. Тебя ждет. Хочет тайну поведать. Больше, говорит, некому сказать.

– Припекло видать, если не ловушка это.

– Говорит, что нужно успеть. Времени немного осталось...

– Я еще в мир иной не тороплюсь. Здесь пожить охота. Да и помощников, видишь, всему еще не обучил, – слабо усмехнулся Вернидуб, едва заметным жестом указав на нас.

В общем, в конце августа мы дней на десять остановились в здешних местах. Всего нас было с батькой и двумя пришлыми двенадцать казаков. Вернидуб, когда мы ходили по местности, а курганов в здешних местах хватало, брал на поиски меня, Кульбабу и Никиту Ярыча. Нужный ему курган мы нашли на второй день, после прибытия в эту местность. Здесь никого не было, но мы, чтобы не привлекать к себе внимания, соблюдали меры предосторожности и скрывались в маленьких лесочках. Чего ждал батька, я тогда не знал, даже не предполагал, каким образом это может меня касаться.

На третью ночь пребывания в здешних местах мне приснился странный сон. В нем мужчина-скиф на коне стоял на возвышенности, потом, сойдя с коня, он обратил взор к солнцу и выкрикнул призыв, собрав ладони перед ртом для усиления. На его зов откуда-то с небес откликнулось и приблизилось к нему существо в виде белой кобылицы, внешне уж очень похожей на женщину. Скиф назвал ее Рия. Имя было длинное, но я запомнил только лишь три первых буквы. Рия что-то сказала скифу, по всей видимости, это был вождь, и исчезла. Скиф же после этого ускакал, но мой сон на этом не закончился.

Я увидел краем глаза несколько битв. После одной из них мужчина, уже знакомый мне, лежал на поле сражения убитый. Ему было лет пятьдесят. Скиф был умелым воином, о чем свидетельствовали погибшие рядом враги. Вот только потом я увидел мужчину, тоже скифа, который, хищно усмехаясь, смотрел со стороны на погибшего вождя. Это был жрец, судя по одеянию. И он, что было точно видно, не питал к скифскому вождю добрых чувств. Над жрецом кружил ворон, а также в воздухе над ним висело изображение черепа коня. Эта картина побудила меня проснуться. Сразу же, как только наступило утро, я уже говорил с Вернидубом. Батька, слегка усмехаясь, слушал мой рассказ. Когда я закончил, Вернидуб, подумав, сказал:

– С нами хотят побеседовать. Со мной пойдешь.

– Кто хочет беседовать?

– Тот, кто приходил к тебе во сне и себя показывал. А как, по-твоему, он еще мог дать о себе знать?

– Скиф? – уточнил я для себя.

– Либо ты недогадлив, либо совсем не соображаешь. Последнее, глядя на тебя, не скажешь. Сообразительным надо быть там, где нужно.

– А когда пойдем?

– Перекусим и двинемся, чтобы в животе не подсасывало. Побродить, возможно, придется.

– А о чем мы с этим скифом будем говорить? – спросил я и осекся, глядя на батьку.

Больше вопросов у меня не возникало.

Мы втроем: я, батька и Никита отправились, перекусив, на поиски. Кульбаба и Жертень, помощники Вернидуба, хотели с нами пойти, но батька жестом остановил их.

– Сами управимся, – вырвалось у него.

Помощники больше вопросов не задавали и себя в помощь не предлагали.

Как только мы отошли на достаточное расстояние от лагеря, батька остановился и повернулся ко мне. Какое-то время он смотрел чуть мимо меня, слегка шурясь, как бы взвешивая, говорить мне или нет, а потом сказал:

– К скифу идем. Он хозяин здешних мест. Их сторожит и за богатствами наблюдает. Зовут его Агнак. В прошлом он вождь племени. Что бы ни происходило, не удивляйся и не бойся, иначе дело не сделаем.

– Агнак нам вреда не принесет, – дополнил батьку Никита и усмехнулся.

– Ты его видел?

– Как и ты, – отметил Никита.

При этом усмешка с его лица сползла.

– Будет вам. Пошли, – распорядился Вернидуб.

– Может, я поведу? – предложил Никита.

– Нет, Василь дорогу покажет.

– Я?!

Удивлению и недоумению моему не было предела.

– Чего оторопел? – раздался голос батьки. – Учись. Тебе много в жизни сделать предстоит. Я помогу.

Пришлось стать впереди и, опираясь на чувства, вести за собой Вернидуба и Никиту. В такой роли я еще не выступал. Впрочем, дело свое я сделал, на место привел...

И тут мне видится необходимым кое-что пояснить потомкам, чтобы было понятно, о чем идет речь. Мне в дальнейшем пришлось некоторой мерой изучить скифские обычаи. Не чужие, а предки все-таки, как-никак... Только обучение мое шло, если так можно сказать, при непосредственном общении, а также посредством изучения информации, которую о себе оставили предки. Говорю очень кратко, чтобы прояснить суть вопроса. В полной мере скифские обычаи и нравы я привел отдельно, как и их взгляды на мир, на себя и на окружающее. Это были сильные и смелые люди. В будущем о них наплетут много небылиц, выставив такими варварами.

Скифов уничтожила магическая работа против них и внутреннее вырождение, а также, как это было и будет принято, предательство жреческой верхушки и некоторых вождей. Богов у скифов не было. Точнее сказать, часть скифских племен поклонялись и Папаю, и Небесной кобылице, но в основном скифы чтили родовой, зная своих дедов и прадедов, а также выдающихся вождей. Их культура сошла в небытие, но, что хуже всего, потомки окончательно уничтожат их, начав массово раскапывать могилы, алчно собирая все, что осталось от этой культуры, начиная с запонок и заканчивая оружием, предметами обихода. В наши времена скифы еще были сильны. Их мир еще не пропитался так темными энергиями, поэтому-то редко, но

они еще выходили на лучших представителей казачества. Мы слышали их, но уже не могли помочь...

Касательно Агнака и его появления в моем сне скажу следующее. По законам скифского племенного союза вождю для перехода в иной мир требовалась энергия, особенно, если этот мир находился за пределами Земли. Скиф Агнак – представитель племени герриков, занимающих ведущее место в племенном скифском союзе, не хотел больше воплощаться, о чем и сообщил жрецам, чтобы те после его смерти совершили положенные обряды. Он желал, чтобы его дух и тонкие тела были препровождены в Сокал, место далеко за пределами Земли, в котором они могли, как скиф считал, находиться бесконечно долгое время, не подвергаясь распаду.

Сокал располагался в мирах Большой Медведицы, в самом главном и ведущем мире – мире Сварг. Агнак не знал, что к тому времени этот мир уже не выполняет прежних функций, что тела в нем точно также подвержены распаду, как и в других местах. Поэтому он настаивал на том, чтобы анары (скифские жрецы) препроводили при ритуале погребения его дух, энергии ума, разума и сознания в Сокал.

Жрец Пуртай, являвшийся главой анаров, обещал еще задолго до смерти Агнака все сделать так, чтобы тот попал в Сокал без помех. Агнак считал, что там с ближайшими помощниками он продолжит счастливое и беззаботное существование в обществе таких же, как и он, вождей. Поэтому смерть для него была лишь точкой перехода в иной, еще более счастливый мир, когда не надо носить физическую оболочку, где нет лишений и где ты, живя, не ослабляешься и не умираешь. Скифский вождь Агнак имел лишь начальную степень посвящения и не был осведомлен о действительном положении дел в космосе и на Земле. Его могилу сразу после смерти отметили, насыпав сверху курган.

Скифы шли к могиле длинной чередой, и каждый нес в мешке из шкур землю. Так повторялось до тех пор, пока верховный анар Пуртай не отдал команду прекратить насыпать холм. После того, как могила была полностью закончена, все мужчины по приказу Пуртая образовали вокруг нее несколько колец, взявшись за руки. По приказу Пуртая они сделали под священные слова столько взмахов руками, сколько говорил жрец. Смысл действия состоял в том, чтобы направить энергию людей на тонкие тела Агнака так, чтобы они были перенесены энергетическим потоком в место, где в дальнейшем должны были продолжить свое существование. Руководили всем этим действием Пуртай и его ближайшие помощники.

Вот только Пуртай обманул Агнака. Он не собирался переносить его туда, куда было намечено. Вместо Агнака в Сокал были перенесены тонкие тела других скифов, в том числе и друзей Пуртая. Энергия скифов, таким образом, была использована не по назначению. Ум, разум и сознание Агнака, другие его оболочки Пуртай намеревался распылить, но сделать этого у него не вышло. Агнаку помогли. Сделал это тайно один из жрецов за то, что при жизни Агнак помогал его отцу. Сартай, так звали жреца, укрыв энергии Агнака, но долго в таком виде энергии не могли существовать, поскольку быстро распались бы, да и Пуртай жаждал довести дело до конца, чтобы не оставлять следов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.